зований. В этом случае создаются однословные номинации при отсутствии таковых в литературном языке: *Кэрн собирается лечиться от* ***ручкоядства*** *с помощью гипнотерапии, однако опасается, что, избавившись от этой привычки, может начать грызть что-нибудь другое* (Молоток. 2002. №6); *Такая «****спортология****» с улыбкой – не истина в последней инстанции* (Cool. 2001. №2); *Имя победителя Молоток объявит в конце месяца, и тут же – новый конкурс для новых* ***мобиломанов*** (Молоток. 2002. №36). Как показывают примеры (*ручкоядство, спортология, мобиломан*), журналисты прибегают к сложению двух основ для образования новых слов, тем самым соблюдается закон экономии языковых усилий. В большинстве подобных случаев номинативная функция совмещается с экспрессивной и усиливает ее.

Процент окказионализмов, выполняющих номинативную функцию, практически не изменился за последнее десятилетие. В 2000–2003 гг. такие новообразования составляли 37% от общего количества, а в 2008–2011 гг. – 43%. С известной долей вероятности можно утверждать, что журналисты по-прежнему изобретают окказионализмы с целью номинации явлений действительности, не имеющих названия.

Анализ показал, что применительно к молодежным изданиям можно говорить о динамике употребления окказиональных единиц. Новообразования стали менее частотны: их число за выпуск сократилось более чем в два раза. В формально-структурном отношении стоит говорить о том, что произошел сдвиг в использовании способов образования окказионализмов: большинство данных некодифицированных единиц, относящихся ко второму синхронному срезу, созданы с помощью суффиксального способа. С позиций функционально-прагматического подхода мы можем констатировать: функции окказиональных единиц остались прежними, но на протяжении рассматриваемого периода изменилось их соотношение: в начале 2000-х гг. доминировала фатическая функция, сейчас функции распределены равномерно.

Литература

1. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М. : Флинта: Наука, 2009.

2. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М. : Высш. шк., 1976.

3. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М. : Аспект Пресс, 2000.

4. Самыличева Н.А. Окказиональные слова как средство экспрессивизации газетного текста (на материале нижегородских СМИ) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ниж. Новгород, 2011.

Occasional words in the youth magazines: diachronic aspect

There is analyzed the use of the occasional units (formal and structural, functional aspects) and revealed the dynamics of the use of the given non-codified elements in the youth magazines ("Molotok", "Rovesnik", "Bravo", "Cool", "OOPS!") according to two synchronous investigations (2000-2003, 2008-2011).

Key words: *youth magazine, occasional word, potential word.*

Э.А. КАЛЫКОВА
(Элиста)

НОРМЫ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КАЛМЫЦКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Рассматриваются нормы родственных отношений в калмыцком языковом сознании, выраженные в пословицах. Охарактеризованы отношения в семье, гендерные стереотипы поведения и некоторые обычаи, обусловленные патрилинейной традицией калмыцкого семейного уклада.

Ключевые слова: *родственные отношения, калмыцкая лингвокультура, ценности, нормы поведения, пословицы.*

Пословицы, как известно, в краткой и образной форме выражают нормы поведения и поэтому представляют собой иллюстрацию ценностной картины мира [2]. Формальная организация пословиц вытекает из их коммуникативного назначения – выражать универсальные нормы в кратком и запоминающемся виде, поэтому они часто имеют четкую ритмическую структуру, содержат повторы, противопоставления и образы повседневной жизни [1; 3]. Эти образы у скотоводов-кочевников отличаются яркостью и конкретностью: *Хоолас мөөрнə, өөрəс мөргнə (Издалека мычит,*

© Калыкова Э.А., 2012

вблизи бодается). Характерной особенностью калмыцких пословиц является идущая из глубины веков традиция симметричного построения речения: *Ик дала уснд хандго, ик мергн эрдмд хандго (Большой океан никогда не бывает доволен водой, одарённый человек никогда не бывает доволен своим мастерством).* В ряде случаев в пословицах прямо сформулированы те или иные нормы, но они даны в сцепке с другими наблюдениями или фонетически близкими словосочетаниями, в результате чего возникает некоторое смысловое сгущение, требующее внимания.

Отношения родства в калмыцкой лингвокультуре привлекали к себе внимание исследователей [4–5]. В калмыцких пословицах выражены следующие нормы применительно к осмыслению родственности. Следует ценить родственные отношения и поддерживать связи с родственниками: *Элсн үлүддг, элгн үлүддго (Песок бывает лишним, а родственники – нет).* В приведенном примере сталкиваются фонетически близкие слова *элсн* (песок) и *элгн* (родственники). В песке много песчинок, отсюда можно сделать вывод, что множество родственников может кому-то показаться излишним, поскольку поддержание родственных связей требует средств и времени, но коллективный субъект народной мудрости однозначно предписывает необходимость сохранять такие связи.

Родственники должны помогать друг другу: *Үгин ахрнь сән, элгнә батнь сән (В слове краткость хороша, а в родне – крепость).* Крепкая родня приходит на помощь человеку в трудную минуту. Бинарная структура приведенной пословицы усиливает значимость каждой из названных норм: ценится и лаконичность речи, и взаимопомощь родственников. Синтаксический параллелизм способствует закреплению этой идеи.

Основу родственных отношений составляет чувство принадлежности к одной общности, отсюда вытекает требование идти на взаимные уступки и поддерживать согласие: *Эл угад – элгн уга (Если нет согласия – не будет родственников).* В данной пословице паронимически соотносятся слова *эл* (согласие) и *элгн* (родственники).

Традиционная калмыцкая семья является патрилинейной, поэтому особое внимание уделяется взаимоотношениям братьев: *Дөрән сур дөрвн болхла көлд түшән, ах дү дөрвн болхла, нутгт түшән (Четырёхслойный ремень для стремени – хорошая опора для ноги, много братьев – опора родины); Ах дү олн болхла бийд амр, дөрән сур дөрвн болхла көлд амр (Если братьев много, то им легче на свете жить, если стремянный ремень четырехслойный, то легче ногам).* Цитируемые речения близки по смыслу и по форме и констатируют важность наличия множества братьев в большой семье. В качестве опорного образа для сравнения используется хорошо знакомый калмыкам предмет лошадиной упряжи – ремень для стремени. Такой ремень важен для всадника – чем он крепче, тем надежнее себя чувствует человек в седле. Четырехслойный ремень – аллегория семьи, в которой несколько братьев. Множество мужчин, относящихся к большой семье, т.е. к роду, делают этот род крепким. В другом речении на первый план выходит идея взаимопомощи – братья помогают друг другу, их жизнь благодаря этому становится легче.

В калмыцкой семье четко соблюдается иерархия по старшинству: *Икнь эклдг, бичкнь давулдг (Старший начинает, младший продолжает); Ах ахинәр болхла сән, дү дүүһинәр болхла сән (Хорошо, если старший брат будет вести себя как старший, а младший так, как подобает младшему).* Старшие имеют право не только начинать разные действия, но и контролировать действия младших. В свою очередь младшие всегда имеют право рассчитывать на помощь со стороны старших.

Иерархия делает семью крепкой: *Күн ахта, девл захта (У шубы воротник, у человека – братья).* Образная параллель фонетически поддержана словами *ахта – захта*, и такая рифма делает речение запоминающимся.

Старшие братья и сестры должны принять на себя функции родителей, если тех нет: *Ээҗ угад эгч – ээж, аав угад ах – аав (Когда нет матери и сестра за мать, отца нет и брат – отец).* Такие отношения свойственны и другим народам, но в калмыцкой лингвокультуре они закреплены в пословичном фонде, и это свидетельствует о важности данной нормы поведения для этнического самосознания.

Особого уважения заслуживает мать, родившая и воспитавшая много детей: *Йисн көвү һарһсн эк, ик герин деед бийд суудг (Мать, родившая девять сыновей, занимает почетное место в большом доме).* В этом речении следует обратить внимание, с одной стороны, на сакральное число «девять», с другой – на то, что эти девять детей – мальчики, т.е. продолжатели рода.

Отношение к родному языку сравнивается с отношением к матери: *Келән мартсн күн – экән мартсн әдл (Забыть свой язык – все равно, что забыть свою мать); Келәсн ичсн күн – экәсн ичсн әдл (Стесняться своего языка – все равно, что стесняться своей матери)*. Приведенные пословицы формулируют базовый принцип человеческого поведения – почтительность по отношению к родителям. Не каждому народу доводится переживать такую судьбу, когда возникает опасность забыть свой язык. Это свойственно тем, кто оказался в изгнании и вынужден жить в чужом окружении. Трагичная история калмыков напоминает о важности понимания своих корней и истоков: люди не имеют права забывать своих матерей, а значит, язык своих родителей.

Обратим внимание на подчеркивание сохранения родства именно по материнской линии: *Зесин сән зеврдго, зе-нанцнр мартгдго (Качественная медь не ржавеет, дети и родственники матери не забывают друг друга)*. В традиционной калмыцкой семье на первый план выдвигаются родственные связи по линии отца, но отмечается, что родня по матери тоже бывает достаточно сплоченной, и это высоко ценится.

Людям свойственно гордиться своими родственниками, и поэтому они ценят успехи своих братьев: *Ацта модна сүүдр сәәхн, ах – дүүһин нерн сәәхн (Как у ветвистого дерева тень хороша, так и у братьев – честное имя)*. Отсутствие тени в жаркой степи может превратиться в пытку. Параллель спасительной тени и доброго имени показывает значимость хорошей репутации родственников.

В некоторых речениях констатируются нормы патриархального семейного уклада: *Ах үкхлә бергн герәсн, агт үкхлә арсн герәсн (Если умрет старший брат, то в наследство останется его жена, если падет конь – в наследство останется шкура)*. По вековой традиции жена умершего старшего брата должна была войти в семью младшего брата.

Обращает на себя внимание речение, в котором сформулировано требование сохранять равенство всех перед законом: *Хаана күүкн болв чигн засглх зөвтә (Хотя она и дочь хана, она тоже должна быть наказана)*. Все понимают, что дочь хана пользуется многими привилегиями, но если она совершила недостойный поступок, ей нужно за это ответить, как всем прочим. Пословица используется в тех случаях, когда хотят подчеркнуть, что человека, совершившего проступок, накажут, каким бы любимым он ни был.

Известно, что дети в ряде случаев проявляют упрямство и непослушание. Обычно таких упрямцев наказывают, но в калмыцком паремиологическом фонде есть следующее речение: *Ишк өврән урһахар экән мөргдг, усн эргән нурахар һазран халһрдг (Козленок, чтобы вырасли рога, бодает мать, вода, чтобы обрушить берега, бьет по ним)*. Смысл этой пословицы весьма интересен в педагогическом отношении: возможно, непослушание ребенка есть способ заявить о себе и выработать характер. Сравним: *Из строптивой дочери вырастает хорошая хозяйка* (кит.). Субъект коллективной мудрости советует родителям сдержать свой гнев и дать возможность ребенку проявить характер в определенных ситуациях.

Весьма интересны зафиксированные в паремиологии нормы гендерных поведенческих стереотипов в калмыцкой семье: *Күүкд күн сун җирһдг, залу күн йовҗ җирһдг (Женщина наслаждается домашней жизнью, а мужчина – дорогой); Сән мөрн йовх дутман йовдл дасдг, сән залу йовх дутман уха дасдг (Хорошая лошадь чем больше скачет – тем больше учится, хороший мужчина путешествуя, ума набирается)*. Мужчины обеспечивают семью пищей и другими ресурсами и поэтому должны находиться вне дома, а женщины хранят домашний очаг. Подчеркивается, что путешествия – мужское занятие.

В паремиологии имеют место и ироничные речения: *Мука болв чигн утх, му болв чигн залу (Хоть тупой, но нож, хоть плохой, но мужчина)*. Сравнение с тупым ножом – не лучшая характеристика для человека. Мужчина по нормам калмыцкой культуры должен быть смелым, целеустремленным и ответственным (т.е. должен заниматься делом): *Залуд — зөрг чимг (Украшение мужчины – смелость); Залу күн зөрсн талан (Мужчина стремится к поставленной цели); Залу күн зав уга, зандн модн эрмдг уга (Мужчина не имеет свободного времени, сандаловое дерево не имеет изъяна)*.

По нормам богатырского кодекса поведения честь для мужчины дороже жизни: *Залу күн ичсн дорхн, үксн деер (Мужчине лучше умереть, чем терпеть позор)*. Подобные речения можно найти и у других народов. Обратим внимание на то, что в коллективном калмыцком сознании более детально выражены требования к мужскому поведению, чем к женскому.

Известно, что отношения между родственниками не всегда бывают идеальными. В калмыцкой лингвокультуре такое положение дел резко осуждается: *Ичр уга элгнəс, ичртə дəəсн деер (Чем бесстыдный родственник, лучше совестливый враг); Зөв эс медсн саднас, зөрлцсн дəəсн деер (Чем непонимающий родственник, лучше встречный враг).* Из приведенных речений вытекают требования к родственникам понимать своих близких и быть тактичными по отношению к ним.

Все народы мира считают гостеприимство добродетелью. Вместе с тем известно, что гости порой могут надоедать хозяевам. Показательны следующие речения: *Орсн боран буудг, ирсн гиич хəрдг (Как ненастье кончается, так и гость домой собирается); Орсн хур чилдг, ирсн гиич хəрдг (Начавшийся дождь – кончается, приехавший гость – домой возвращается).* Приведенные примеры показывают, что приезд гостя в калмыцкой традиционной культуре означал достаточно долгое его пребывание у принимающей стороны. Именно поэтому и возникли цитируемые ироничные речения. Вместе с тем констатируется, что гостеприимство заслуживает одобрения: *Замгта уснд заһсн хурдг, сəн заңтад күн хурдг (В воде с водорослями рыба собирается, у гостеприимных хозяев – люди собираются).*

В калмыцкой паремиологии встречаются речения, в которых констатируются определенные предписания по отношению к брачным обыкновениям: *Зееһəн авхла — зел тасрдг (Если жениться на двоюродной сестре (по материнской линии), то пресекается род); Зеенрт тохм тасрдг (Род пресекается на детях дочери).* Брак с родственниками по матери у калмыков не осуждался, но приведенные пословицы со всей очевидностью рекомендуют избегать такого выбора. Вместе с тем второе речение можно трактовать и в другом смысле: дети дочери относятся уже к другому роду, который ведется по отцовской линии.

Скромность является одной из наиболее высоко оцениваемых добродетелей в калмыцкой системе ценностей: *Бийəн буульсн ах эргү, баавһаһан буульсн адг эргү (Тот, кто хвалит жену – глупец, тот, кто хвалит себя, – трижды глупец* (букв. «тот, кто хвалит жену, – малый глупец, тот, кто хвалит себя, – большой глупец»)). По-видимому, в данной пословице речь идет не столько о похвале, сколько о похвальбе, осуждается хвастовство. Сравним: *Родился раньше отца и пас дедовский табун*.

В калмыцкой семье бережно сохранялась память о родителях: *Аав үкхлə – ааһ герəсн, акт үкхлə – арсн герəсн (Когда отец умирает, на память остается его чашка, когда конь гибнет, на память остается его шкура).*

Традиционный калмыцкий быт весьма аскетичен, так устроено кочевое хозяйство, и с этим согласуется буддийское миропонимание. Сложная и полная опасностей жизнь кочевников заставляла их с недоверием относиться к пришельцам, которые хотели влиться в племя: *Ирүдəс оруд сəн (Лучше приемыш, чем пришелец).* Взяв кого-либо на воспитание в качестве приемыша, семья может передать ему нормы и обычаи народа. С пришельцем получается иначе.

Некоторые особенности родового мировосприятия касаются соотносительных ценностей в повседневной жизни калмыков. Это относится, например, к сопоставлению еды и одежды: *Хотын сəəһинь күүнд өг, хувцна сəəһинь эврəн үмс (Лучшую пищу отдай людям, лучшую одежду одевай сам); Залу күн эврəннь өңгəрн сəəхн, көгшн күн хувцарн сəəхн (Молодой хорош сам собой, а старый – одеждой).*

По кодексу Чингисхана каждый должен предложить другому человеку участие в трапезе. Однако одежда составляет личную собственность людей, и не возбраняется носить красивую одежду. Подчеркнем, что право на красивую одежду в большей мере имели пожилые люди, чем молодежь, поскольку подразумевалось, что молодые красивы сами по себе, а люди в годах своей одеждой демонстрируют свои достижения.

Таким образом, в калмыцкой паремиологии представлены нормы традиционного поведения среди родственников. Эти нормы сводятся к предписаниям поддерживать родственные связи, уважать старших и заботиться о младших, вести себя в соответствии с традиционными гендерными стереотипами. Требования к мужскому поведению сформулированы в калмыцких пословицах подробнее, чем к женскому, и отражают нормы патрилинейного родового уклада.

Литература

1. Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002.

2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004.

3. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М. : Лабиринт, 2001.

4. Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1996.

5. Церенова Ж.Н. Родственность // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты. Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2009. С. 149–158.

Kinship relationship norms in Kalmyk proverbs

There are regarded the kinship relationship norms in Kalmyk linguistic mentality as expressed in proverbs. There are characterized the family relationship nuances, gender stereotypes and some behavioral customs determined by traditional patrilinear kinship organization.

Key words: *kinship relationship, Kalmyk linguistic mentality, values, behavioral norms, proverbs.*

Е.В. НИКУЛЬШИНА
(Волгоград)

СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИЗМА РОМАНА Р.М. ЗОТОВА «ДВА БРАТА, или МОСКВА В 1812 году»

Раскрываются особенности художественного историзма романа Р.М. Зотова. Делается вывод о том, что для произведения характерны сочетание историзма и авантюрности, стремление к формированию и воспитанию массовой читательской аудитории.

Ключевые слова: *историческая беллетристика, историзм, авантюрно-исторический роман.*

Творчество Рафаила Михайловича Зотова (1796–1871) представляет собой особую страницу в развитии русской исторической беллетристики. Писатель одним из первых проложил так называемую авантюрную линию исторического романа. Его перу принадлежит целый ряд исторических произведений, сюжеты которых автор преимущественно черпал из эпохи Отечественной войны и сопровождавших ее событий. Конечно, романистика Р.М. Зотова уступает по своему художественному уровню произведениям М.Н. Загоскина и И.И. Лажечникова, но, тем не менее, она вызывала большой читательский интерес и пользовалась не меньшей популярностью.

Так, роман «Два брата, или Москва в 1812 году» (1850) выдержал четыре переиздания. Важной чертой поэтики беллетриста является сочетание черт исторического и приключенческого начал, что дает основание определить данное произведение как авантюрно-исторический роман. Обе эти линии органически сочетаются, поскольку общим для них и принципиально важным оказывается специфическое отношение к фактору времени, который играет существенную и сущностную роль на всех уровнях организации текста [2]. Исторический фон авантюрного романа не только хронологически конкретизирует контекст, в который вписываются приключения персонажей, но и несет определенный элемент экзотики, предполагающий преодоление, а иногда и преображение будничной повседневности. Более того, как ни парадоксально, но именно история становится механизмом, обеспечивающим функционирование приключенческого повествования, посредником между героем-авантюристом и имплицитным читателем. Однако она же отодвигается на второй план, т.к. читательское внимание направлено в первую очередь на развитие сюжетно-фабульной линии, погружено в атмосферу напряженного ожидания развязки. Есть и еще один момент, указывающий на «вторичность» исторических описаний. Сам по себе жанр исторического романа, разумеется, самодостаточен, он имеет свою направленность, собственные художественные задачи (как и приключенческий). Однако в нашем случае история, как отмечалось, попадает в несколько двусмысленную ситуацию: конечно, она интересна романисту уникальностью материала, способного увлечь читателя, но вместе с тем, поскольку реальные события иногда оказываются менее занимательны, чем вымышленные (что зависит от степени авторского воображения и фантазии), то правда действительности уступает место вымыслу, реализованному в художественном мире романа.

Представление о значении временного фактора в произведении, а также о принципе соотношения исторического и авантюрного дает анализ маркеров времени, рассыпанных в тексте (например, хронологическая привязка события с указанием даты). Роман Р.М. Зотова и начинается с обозначения времени и места (*Между Москвой и Владимиром, лет 50 тому*

© Никульшина Е.В., 2012